

Русских Н. В.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К ИНВАЛИДАМ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В 1941-1945 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/7-1/42.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 7 (26): в 2-х ч. Ч. I. С. 118-120. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Примечания:

Таблица рассчитана и составлена автором по материалам: РГАЭ. Ф.1562. Оп. 44. Д. 2671. Л. 5, 45-46, 48, 51.

Список литературы

- ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 9649. Л. 1, 22, 57, 89.
Там же. Оп. 31. Д. 1903. Л. 1-1 об., 44-44 об., 59-59 об., 73-73 об.; Д. 7832. Л. 26-26 об., 43-43 об., 58-58 об., 72-72 об.
Там же. Оп. 32а. Д. 3058. Л. 72-72 об., 74-74 об., 78-78 об., 80-80 об.
Там же. Оп. 35. Д. 3159. Л. 70-70 об., 72-72 об., 76-76 об., 82-82 об.
РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 44. Д. 2671. Л. 5, 45-46, 48, 51; Д. 2687. Л. 1, 2, 20-21, 41-42.
ГАСО. Ф. Р-2521. Оп. 20. Д. 3287. Л. 4-4 об.
ГАУО. Ф. Р-2595. Оп. 5. Д. 141. Л. 1-2 об.; Д. 390. Л. 1-2 об.
РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 44. Д. 2671. Л. 5, 45-46, 48, 51.
Москвин Д. Д. Население СССР: вопросы миграции. М., 1991.
Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения. М., 1975.
Рыбаковский Л. Л. Региональный анализ миграций. М., 1973.
Хорев Б. С., Чапек В. Н. Проблемы изучения миграции населения. М., 1978.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К ИНВАЛИДАМ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В 1941-1945 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Русских Н. В.

Вятский государственный гуманитарный университет

Забота об инвалидах войны стала важнейшей государственной задачей. В условиях продолжавшейся войны выполнение социальных функций отходило на второй план, однако данная категория лиц остро нуждалась в решении жизненно важных для них медико-социальных проблем.

Прежде всего, государство обеспечило инвалидов войны пенсиями. Несмотря на финансовые трудности, вызванные условиями военного времени, правительство ежегодно отпускало на выплату пенсий и пособий инвалидам войны крупные суммы средств.

Следует отметить, что формулировки групп инвалидности к началу войны в значительной мере устарели и не отражали действительного положения. Определение групп инвалидности было законодательно определено еще в 1932 г. За годы войны существенно изменился и состав инвалидности. Достаточно только отметить, что в довоенный период инвалиды с локальными поражениями опорно-двигательного аппарата составляли 8%, то после 1945 г. среди инвалидов Отечественной войны их было 85% [Зинич, с. 21].

Инвалидность определялась по трем группам: к первой группе относились лица, утратившие полностью трудоспособность и нуждающиеся в постороннем уходе, ко второй – утратившие способность к профессиональному труду как по своей, так и по какой бы то ни было другой профессии; к третьей группе (их было большинство) относились лица, не способные к систематическому труду по своей профессии в обычных условиях, но могущие использовать свою остаточную трудоспособность либо на нерегулярной работе, либо при сокращенном рабочем дне или по другой профессии.

Однако систематизировать пенсионное законодательство стало возможным лишь с принятием в январе 1944 г. постановления СНК СССР №101 «Об утверждении инструкции о порядке назначения и выплаты пенсии по инвалидности военнослужащих рядового, сержантского и старшинского состава». Данный документ устанавливал пенсии в зависимости от причины и степени инвалидности, а также характера работы военнослужащих до призыва на военную службу [ГАКО, ф. р.-2169, оп. 1, д. 818, л. 54-55].

В связи с увеличением числа инвалидов и масштабов работ по их материально-бытовому обслуживанию отделы социального обеспечения в 1943 г. были преобразованы в самостоятельные управления и занимались пенсиями, трудовым и бытовым устройством бывших красноармейцев, их профессиональным обучением.

Для инвалидов войны, желавших перейти на полное государственное обеспечение, были открыты сотни домов инвалидов. Так, лишь в системе Наркомсобеса РСФСР к лету 1944 г. действовало 323 дома инвалидов, в т.ч. 20 домов для психических больных, 10 для туберкулезных больных и 8 – для слепых [Синицын, с. 135].

В декабре 1943 г. Наркомат Соцобеспечения издал приказ «Об интернатах для инвалидов войны». Законодательно устанавливая следующие типы интернатов: трудовые интернаты общего типа; интернаты больничного типа для инвалидов Отечественной войны хроников, нуждающихся в постороннем уходе; интернаты больничного типа для инвалидов Отечественной войны психохроников; интернаты для больных туберкулезом [ГАКО, ф. р.-2130, оп. 5, д. 71, л. 11].

В Кировской области в 1941-1945 гг. работали три интерната для инвалидов ВОВ. Советский интернат общего типа был рассчитан на 200 человек, Яранский интернат общего типа вмещал 250 человек и Студенецкий интернат больничного типа на 100 человек для инвалидов с открытой формой туберкулеза легких

[Там же, д. 25, л. 33]. Однако качество медицинского обслуживания в них было очень низким. В Яранском и Студенецком домах инвалидов ВОВ имелись врачи, в Советском - лишь медфельшера.

Уже в военное время были установлены льготы в области социального обеспечения бывшим войнам-инвалидам. Инвалиды I и II групп освобождались от уплаты военного налога и от обложения налогом на холостяков, одиноких и малосемейных граждан СССР. Данная группа лиц имела преимущество при зачислении на работу, учебу, предоставлении жилья, при устройстве детей в ясли и детские сады.

В целях упорядочения снабжения инвалидов войны с середины 1943 г. в крупных городах стали создаваться специальные магазины и столовые закрытого типа для их обслуживания, в том числе и в г. Кирове.

Организация специализированного лечения инвалидов войны и скорейшего восстановления их трудоспособности являлась одной из важнейших задач, стоящих перед здравоохранением. В октябре 1943 г. ГКО принял развернутое постановление об увеличении выпуска протезов и улучшении обслуживания инвалидов войны. В системе НКССО РСФСР в 1942 г. было 44 предприятия протезной промышленности, в 1943 г. – 52, которые ежегодно изготавливали тысячи протезно-ортопедических изделий. Тревогу вызывали устаревшие технологии, постоянные перебои с поставками сырья для изготовления протезов.

В Кировской области к 1944 г. действовало четыре протезных мастерских – в г. Кирове, г. Котельниче, г. Мурашах и р. п. Вахрушах. Мастерские изготавливали различные виды протезов, начиная от протезов ног, временных протезов и костылей, заканчивая мелкими изделиями необходимыми для ремонта протезов [Там же, д. 71, л. 11].

В решении задач трудоустройства инвалидов войны большое место отводилось врачебно-трудоустройственной экспертизе (ВТЭК). Необходимость в оказании социальной помощи бывшим фронтовикам с целью их дальнейшего трудоустройства, заставила власть возложить на Наркомат Соцобеспечения организацию производственного обучения, а также переквалификацию инвалидов, которые в результате ранений утратили возможность осуществлять свою трудовую деятельность по своей специальности. В мае 1942 г. вышло постановление СНК СССР «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны» [Черненко, с. 67-68].

Обучение инвалидов, не имеющих возможности работать по старым специальностям, осуществляется не только в госпиталях. Еще в декабре 1942 г. в стране началась организация трудовых интернатов для инвалидов войны. За сравнительно короткие сроки тысячи инвалидов приобретали новые специальности – становились киномеханиками, телефонистами, кассирами, бухгалтерами, поварами и т.д. Только за 1942 г. в РСФСР на работу или учебу были устроены 201,8 тыс. инвалидов войны [Синицын, с. 136].

Открытый в 1941 г. Яранский дом инвалидов занимал большое здание, в помещениях которого были организованы производственно-технические мастерские. Инвалиды здесь обучались сапожному делу, киномеханике и т.д. [Кировская правда, 1942, 13 октября, № 242, с. 2].

На 1 сентября 1942 г. в Кировской области обучалось всего около 800 инвалидов войны [Кировская правда, 1942, 7 октября, № 236, л. 1].

Массовое трудоустройство инвалидов стало возможным после принятия СНК СССР 20 января 1943 г. специального постановления «О мерах по трудовому устройству инвалидов Отечественной войны», обязывающее наркоматы социального обеспечения устроить на производство всех неработающих инвалидов третьей группы [ГАКО, ф. р.–2169, оп. 1, д. 692, л. 47].

В 17 районах Кировской области (Опаринский, Даровской, Санчурский, Верхошижемский районы и др.) в 1943 г. были трудоустроены почти все инвалиды третьей группы. По данному показателю Кировская область занимала второе место в республике. В этих районах поставлено производственное обучение в мастерских, производственных курсах, в самих госпиталях [Кировская правда, 1943, 12 декабря, № 251, с. 1].

К началу 1944 г. в области трудоустроено 24876 инвалидов, из них: I группы - 14 чел. или 4% данной категории; II группы - 6701 чел. (75%); III группы 15164 чел. (98%) [ГАСПИ КО, ф.–1290, оп. 11, д. 71, л. 58].

С каждым военным годом численность инвалидов в области увеличивалась. Если впервые три года войны эти изменения были связаны с неудачными военными действиями, недостатком медицинских кадров и медикаментов в целом, возможностью вовремя оказать медицинскую помощь раненому, то к завершающему периоду войны – большим количеством демобилизованных, которые возвращались к мирной жизни, но оказывались не годными к трудовой деятельности или частично годными. Задачи их трудоустройства, бытового обслуживания и материального обеспечения брало на себя государство, выполняя свою социальную функцию. Однако проводимых мероприятий было недостаточно в связи с неоднократным увеличением количества данной социальной группы. Решение проблемы ложилось на плечи послевоенного времени.

Список литературы

Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. Р.–2169. Оп. 1. Д. 818. Л. 277; Оп. 1. Д. 692. Л. 278.

ГАКО. Ф. Р.–2130. Оп. 5. Д. 9. Л. 227; Д. 25. Л. 96; Д. 71. Л. 94.

Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф.–1290. Оп. 11. Д. 71. Л. 119.

Зинич М. С. Будни военного лихолетья. 1941-1945 гг. М.: Наука, 1994. Вып. 2. 246 с.

Кировская правда. 1942. 13 октября. № 242.

Там же. 1942. 7 октября. № 236.

Там же. 1943. 12 декабря. № 251.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917-1967 гг.) / сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. М.: Изд-во политической литературы, 1968. Т. 3 (1941-1952 гг.). 751 с.

Синицын А. М. Забота о раненых фронтовиках и инвалидах в годы Отечественной войны // История СССР. 1973. № 1. С. 130-138.

Б. А. ЭНГЕЛ О ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Санникова Т. О.

Филиал Удмуртского государственного университета в г. Воткинске

Барабара Алперн Энгел / Barbara Alpern Engel – профессор исторического факультета Колорадского университета, является известным американским историком–россиеведом. Специализируется (при чем Б. А. Энгел одна из зачинателей западной историографии в этом вопросе) на исследованиях в области женской истории. Среди ее работ – обширное исследование «Женщины в России, 1700-2000» (Engel B. A. Women in Russia, 1700-2000. Cambridge, 2004).

В свете актуальности гендерной проблематики в современных исторических исследованиях, представляет интерес одна из первых ее работ в данном направлении: «Матери и дочери: женщины в российской интеллигенции XIX века» (Mothers and Daughters: Women of the Intelligentsia in Nineteenth-Century Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1983), где Б. А. Энгел обратилась к системе ценностей, которые исповедовали женщины в среде российской интеллигенции.

В девятнадцатом столетии женщины составили влиятельное меньшинство в российской радикальной интеллигенции. Как пишет Б. Энгел, в течение 1860–1870-х гг. российские женщины, казалось, были всюду: на баррикадах Парижской Коммуны, в университетах Парижа, Берна и Цюриха, как медсестры – на передовых в Русско-турецкой войне. В России они преследовали социальное правосудие с пистолетами и листовками пропаганды в руках. Европейские и американские газеты пестрели новостями относительно их деятельности. При этом они были настолько самоотверженны, несли моральный пыл ко всему, что совершали, были готовы отказаться от семейных, личных связей, детей; что делает их очень отличными от их западных «сестер» - активисток [Engel, p. 3].

Несмотря на высокий уровень женского участия, тем не менее, как замечает Б. Энгел, большинство историков обращалось с интеллигенцией, как будто она была исключительно мужской, любое же упоминание о женщинах приписывало им те же самые побуждения и опыт.

В России XIX века было традиционное общество, традиция определяла женщин, прежде всего, как дочерей, жен и матерей. Фактически каждая женщина выходила замуж, и те, кто не делали этого, оставались с родителями, или жили в других семьях, часто при родственниках. Даже когда стал доступен другой выбор, требовалась значительная храбрость от женщин и определенные намерения, чтобы предпринять жизнь вне сферы семьи.

Б. Энгел считает, что во многих случаях именно религиозные ценности служат объяснением для восстания женщин против определяемой семьей роли. Как замечает Х. Хогенбом, главный тезис Б. Энгел о том, «что женщины русской интеллигенции 19 века, под влиянием религиозных идеалов и высшей нравственной правды, пошли в разные профессии, а не «в профессию замужества» [Хогенбом].

С одной стороны, по мнению Б. Энгел, общество и религия помогали укреплять подчиненное, зависимое положение женщины от этого же общества и семьи. Но в то же время, данное положение вещей освящало женскую выносливость и формировало у женщин некоторое моральное превосходство.

Со смертью Николая I, и восхождением на престол Александра II, женщины получили возможность внести свою энергию в социальную реформу, в то же время привнеся туда свои моральные ценности. Так с остротой встал и женский вопрос. Как пишет Б. Энгел, можно отметить три подхода к его решению. Первый – освобождал женщины от семейства, от отношений между полами, и расширял женские прерогативы в общественной сфере в политически приемлемых пределах. Другой, который современники называли «нигилизмом», исповедовал большее количество радикальных мер, утверждая, что женщины должны освободить себя от «деспотизма семьи», и что патриархальная семья должна быть радикально изменена, даже, по мнению некоторых, отменена в целом. Третий подход – также был близок к радикальной позиции, но сконцентрировался на социальном и политическом изменении скорее, чем на личном изменении, желая, отложить до социалистического будущего решение многих проблем, в том числе и женский вопрос [Engel, p. 46].

Период в конце 1860-х, расширив образовательные возможности, драматично увеличил число женщин, ищущих альтернативы к сосредоточенному семейством существованию. В получении образования они видели возможность в дальнейшем быть полезными для людей. Несмотря на отклонение от обычной женской роли, которое они выбирали, такие женщины продолжали чувствовать себя как женщины предшествующего поколения, их объединяла мораль самопожертвования [Ibid., p. 105]. Новое поколение отличало лишь то, что они хотели осуществить такие моральные качества для общества в целом.

Так женщины сначала с готовностью влились в студенческое сообщество, и многие из них, восприняв социалистические идеи, присоединились к радикальным кругам. Отказавшись от прежней традиционной